

ЗОЕ

Потихоньку, понемножку
убывает свет в окошке
на втором на этаже.
Убывает на душе.

Красный день за красным полем
колет звоны колоколен.
Рыжим колли лижет день
свою собственную тень.

Он зализывает раны
дико прущего бурьяна.
Он зализывает след
ставших рытвинами лет.

Убывает свет. Короче
крик дрозда. Длиннее ночи,
всё чернее колеи.
Всё темней глаза твои.

Всё темней в чашобном логе,
всё бледнее по облогам
улыбаются цветы.
Всё протяжней смотришь ты

за изводы-повороты,
за рябиновые стропы
приопущенных небес,
за насупоренный лес.

Потихоньку, понемножку
убывает свет в окошке,
в том единственном, где ты
не сомкнула темноты.

В том единственном, откуда
сходит — тонким ситцем — утр.
В том единственном, куда —
в заводь — падает звезда.

В том единственном, в котором
мальвами горчат укоры
долгих зим и долгих лет.
Не гаси в окошке свет!

Ну ещё, ещё немножко
подыши своим окошком,
васильком светни во ржи,
быль как небыль расскажи.

* * *

Поэзия не терпит пустоты.
Об этом догадался Торичелли
и сформулировал, как надо, и достиг —
в ином, конечно, — благодатной цели.

Поэзия не терпит пустоты.
Об этом знает каждый, кто пустился
в далёкий путь по компасу мечты,
как Жак Кусто с подругою «Калипсо».

Поэзия не терпит пустоты.
Такая азбучная истина, однако
на ней ломают шеи аргонавты,
не чуя рифов из-за простоты.

Прости меня, я не на полпути
к своей звезде в соцветии созвездий,
в конце пути я, над последней бездной
шепчу, как мальчик, на краю отвесном:
поэзия не терпит пустоты.

СОЛОВЬЁВО. ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

У Соловьёва перевоза
по лознякам звенит вода,
что сбруя, тонким перебором.
Солнь. Утий смокот. Лагода.

И кажется, что ниоткуда
здесь не могло и не пристало
иному быть, чем эта былль...
А ведь ревела и хлестала
вода и твердь, встав на дыбы.

Крестами чёрными над рожью,
над избами повдоль реки
шли, тупо вспарывая кожу
моторами, штурмовики.

Застрял в осоках крик ребячий.
Водою сносит прядь волос
поверх лица... Не встанет мальчик.
Не прибежит смуглянка Маша
пугать плотву на перевоз.
Не будут падать на откос
сверкучим веером ромашки...
Водою сносит прядь волос.

А час назад большой, возможной,
обещанной казалась жизнь,
и стремокрылые стрижи
вовсю носились под окошком...

С тех пор впрямки проминовало
немало, тридцать с лишним лет,
а всё не так, всё свету мало
без тех, осиротивших свет...

Вдруг станут хрупки и невещны
стеклянный вечер, тишина,
утиный крик, смех на крылечке...
...Вот-вот! сейчас! дадут огня!
Взахлёб, в неистовстве зенитки
ударят! И счастливичик Шнитке
вонзит свой «мессер» за бугром.
И прорастёт в три дня былём,
беззлойной травкой повиликой.

И будет выгон, взгорок, дом.
И мальчик, вовсе не убитый,
погонится за мотыльком.
И девушка из лозняков
сверкающей наядой выйдет...

Отечество, надбрежный склон.
Калитка, витая вьюнком.
Смех на крылечке под ракитой.
Да разговоры о былом,
как о вчера лишь пережитом.

* * *

Девочка моя милая,
на твоих полустанках всегда
ходит солнце с глазами счастливыми
и цветёт круглый год лебеда.

И ведёрко послушно колышется
в лад пригорку, в лад стёжке, в ладу
с золотыми твоими лодыжками,
что у всей муравы на виду.

И не видно другого события,
что затмило бы — эка напасть! —
твоих ситчиков лик повиликовый
на моих на бессонных часах.

И не слышно другого гадания,
кроме двух васильковых в тени
тёмных вишен... За тёмными ставнями,
как бывало, прильни, поднырни.

СИЗИФ

Сизиф, мой друг, ты катишь вверх,
на гору камень, что
лежал внизу, в долине век,
а может быть, и сто.

Тяжёл обкатанный волной
валун, как два вола
валахских. Грудью и спиной
дрожишь, усилья для.

Дрожишь квадрицепсами ног
и трицепсами рук.
Но ты, однако, не стальной,
Сизиф, мой старый друг.

Жара. Струится по лицу
горячий пот. Жара.
И дело, вроде бы, к концу.
Близка к концу гора.

Грудь — что кузнечные мехи.
Соль пота ест глаза.
Жара. Валун. В глазах круги.
Уж двадцать два часа

как этот чёртов камень ты
на гору катишь. И,
почти уж докатив, почти,
срываешься... Летит

назад, в долину, хохоча,
тот каменюка. Ты
сидишь, уставясь в землю, час
и час другой... Прости,

что я сочувствую тебе.
Но, право слово, плюнь!
Пойдём, любая из гетер
твою утешит лунь.

Поставит в гидрии вино.
Разложит виноград
на красном блюде. Смочит с ног
вдубившуюся грязь.

Ах, плюнь, Сизиф! На кой тебе
тот каменный кругляк?
В конце концов, его разбей
на семь частей и так

перетаскай на гору, коль
так нужно... А, Сизиф?!
Долина манит ветерком
и стайками олив.

Себя не превзойти, мой друг.
Будь проклят тот кругляк!
...Но что я вижу поутру?!
Ты спятил? Или как?!

Опять Сизиф мой катит вверх,
на гору камень свой.
Сизиф, что ты за человек?..
Я рад, что есть такой.